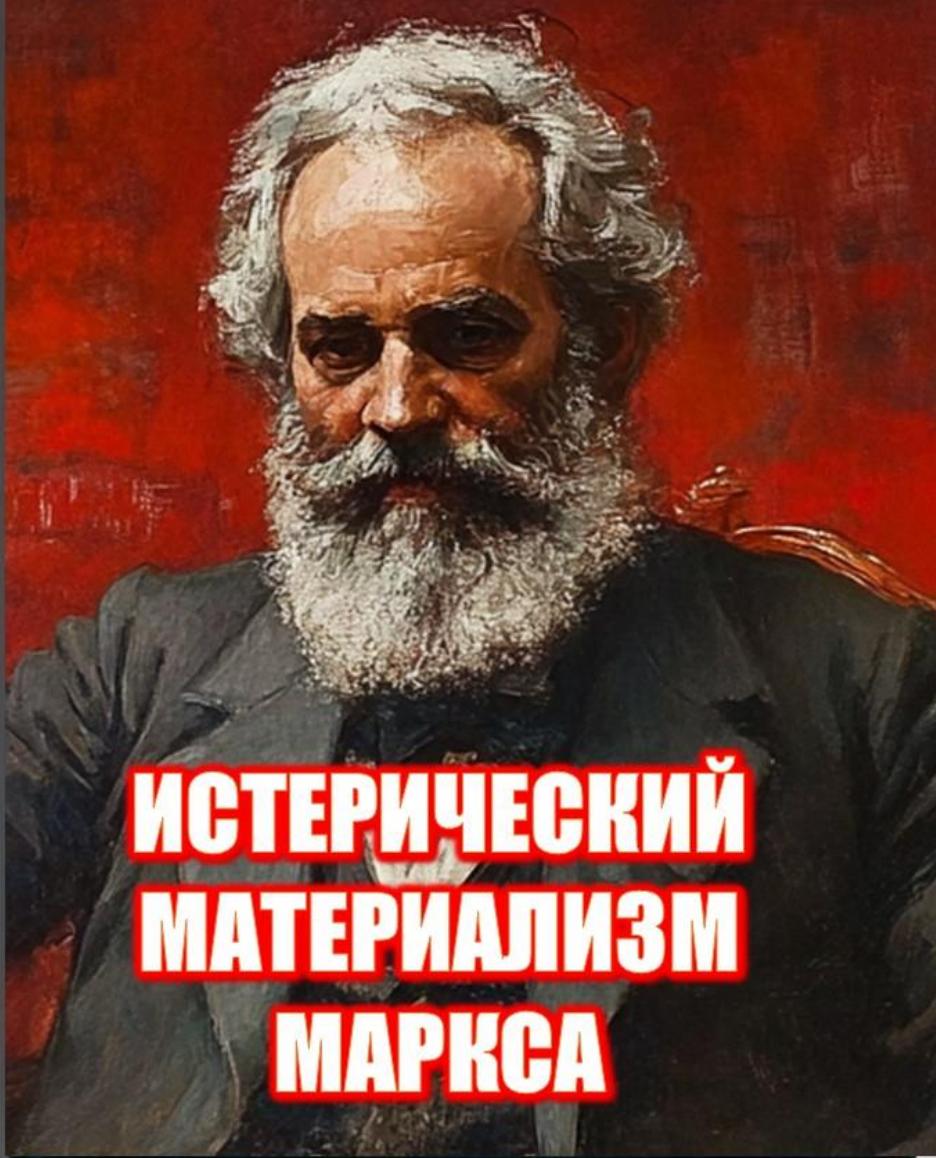

БОРИС КРИГЕР

**ИСТЕРИЧЕСКИЙ
МАТЕРИАЛИЗМ
МАРКА**

БОРИС КРИГЕР

Исторический
Материализм
Маркса

© 2025 Boris Kriger

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to kriegerbruce@gmail.com

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

Исторический Материализм Маркса

Пусть не покажется название этой книги «Исторический Материализм Маркса» небрежной ошибкой или намеренной игрой слов — напротив, оно выражает самую суть рассматриваемого явления, ибо материализм Маркса, при всей своей претензии на холодную научность, был поистине истеричен в своём фанатизме, в слепой убеждённости, что мир предстаёт перед человеком как простая схема, как механическая цепь причин и следствий, не терпящая сомнений, не допускающая колебаний.

Если рассматривать перспективу отказа от денег и товарно-денежной экономики всерьёз, то единственным реалистичным путём становится технологическое развитие. Только системы, основанные на автоматизированном распределении, на учёте реальных потребностей общества с помощью интеллектуальных алгоритмов, самовоспроизводящихся и не требующих экономической мотивации, способны преодолеть хаос капитализма и неэффективность социалистического планирования.

Переход от современного общества к экономике изобилия, управляемой искусственным интеллектом, может осуществляться поэтапно, без насилиственного слома существующей системы. Этот процесс основан на технологическом развитии, автоматизации и постепенном отказе от рыночных механизмов в пользу алгоритмически управляемого распределения ресурсов.

ИСТЕРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ МАРКСА

Сколько часто в истории человеческой мысли встречаются парадоксы, становящиеся, однако, не просто игрой ума, но неукротимой стихией, сметающей действительность с её зыбким равновесием, и как страшно видеть, когда идея, едва оформившись, подобно дикому зверю, вырывается из рук своего творца, принося в мир не познание, но разрушение. Пусть не покажется слово «истерический» в название этой книги небрежной ошибкой или намеренной игрой слов — напротив, оно выражает самую суть рассматриваемого явления, ибо материализм Маркса, при всей своей претензии на холодную научность, был поистине истеричен в своём фанатизме, в слепой убеждённости, что мир предстаёт перед человеком как простая схема, как механическая цепь причин и следствий, не терпящая сомнений, не допускающая колебаний.

В этом учении, столь самоуверенно возвещённом как неизбежная судьба человечества, соединились несовместимые противоположности — претензия на строгий, почти математический анализ исторических процессов и вместе с тем страстная, яростная вера в предназначенный ход событий, не терпящий иных путей, кроме одного-единственного, выведенного по формуле, как будто законы истории покорны приказу, а люди — лишь бессильные тени на заднике грандиозной сцены, на которой разыгрывается трагедия веков. В этом напряжении между логикой и слепой убеждённостью проявляется вся его внутренняя противоречивость: будучи материалистическим в своих основаниях, оно по существу своём оставалось глубоко мистическим, ибо, провозгласив себя освободителем от иллюзий, оно само

было иллюзией, требовавшей не размышления, но поклонения.

Но трагедия начинается там, где теория, построенная на зыбком основании умозрительных конструкций, вдруг обретает не только перо, но и меч, когда слова, столь легко стекающие с кончиков пальцев философа, становятся приговорами, когда схемы, задуманные в кабинете, претворяются в жизнь с железной неизбежностью. Ведь сколько раз в истории уже являлись миру эти пророки с картами будущего, с формулами справедливости, с точным знанием того, каким именно должен быть человек и каков его путь! И всякий раз они находили не только учеников, но и палачей, ибо нет ничего опаснее идеи, воображающей себя истиной, не терпящей возражений, требующей жертв во имя собственного осуществления.

Вот почему этот исторический материализм, столь гордо заявивший о своём научном характере, оказался не только учением, но догматом, не только системой взглядов, но верой, жестокой в своём безразличии к человеческой судьбе, неумолимой в своём стремлении осуществиться, даже если для этого потребуется обратить века в пепел. И стоит ли удивляться тому, что от этого догмата остались не только книги и манифести, но и кровь, и слёзы, и руины?

Коммунизм как идея всеобщего равенства и справедливого распределения благ существовал задолго до появления марксистской доктрины и не обязательно связан с материалистической философией. Само стремление к обществу, в котором отсутствует эксплуатация, где каждый получает по потребностям и вносит вклад по возможностям, не требует обязательного

следования марксистскому анализу классовой борьбы и исторического материализма.

Во многих религиозных учениях содержатся идеи, перекликающиеся с коммунистическими принципами. Христианство в его ранних формах предполагало общинное владение имуществом, как описано в Деяниях апостолов, где последователи делили все, не считая ничего своим личным. В буддизме, особенно в традициях монашеских общин, существовали системы общего распределения ресурсов. Исламская концепция закята предусматривает перераспределение богатств для поддержки нуждающихся, что отражает дух социальной справедливости.

Идея коммунизма как справедливого общественного устройства может существовать вне марксистской доктрины, принимая форму этической концепции, основанной на моральных принципах, а не на детерминированной экономической теории. Отвергая классовую борьбу как единственный двигатель истории или материализм как основополагающий принцип, можно всё же разделять убеждение, что общество должно устраниться от неравенства и строиться на солидарности.

Абсолютным образом, коммунистический идеал может опираться не только на научный социализм, но и на религиозные, гуманистические или иные философские системы. История знает примеры христианских социалистов, анархистов, выступавших за общинное хозяйствование, и даже теологов, утверждавших, что высшая справедливость предполагает равенство в материальных благах.

Материализм Маркса, провозглашённый научным методом познания истории, на самом деле опирается не столько на объективный анализ, сколько на идеологическую ангажированность, что придаёт ему скорее истерический, чем исторический характер. В основе марксистского материализма лежит убеждённость, что экономические отношения единственно определяют развитие общества, а вся остальная надстройка — политика, культура, религия — лишь вторичное отражение базиса. Однако такая схема редуцирует сложность исторического процесса, игнорируя множество факторов, не сводимых к экономике.

История человечества демонстрирует, что социальные изменения не всегда происходят по законам классовой борьбы. Государственные перевороты, культурные революции, изменения в системе управления нередко обусловлены личностями, идеями, случайными обстоятельствами и геополитическими процессами, которые не вписываются в жёсткую марксистскую схему. Так, великие реформы Петра I, создание американской конституции или падение Римской империи не укладываются в диалектический материализм. В этих событиях экономические противоречия играли важную, но далеко не единственную роль, и сведение их лишь к борьбе классов — упрощение реальности.

Кроме того, марксизм сам по себе носит черты догматического мировоззрения. Он создаёт жёсткую систему аксиом, которые не допускают сомнений, а любые возражения объявляются буржуазными предрассудками. Такая некритичность ведёт не к

научному подходу, а к идеологической нетерпимости. В науке гипотезы подвергаются проверке и фальсификации, тогда как марксистская теория подгоняет факты под заранее заданные выводы, что больше напоминает фанатичное упорство, чем объективный анализ.

Яркой иллюстрацией истерической природы марксизма является его постоянное стремление оправдать собственные ошибки за счёт поиска врагов. Когда социалистические государства сталкивались с экономическими провалами, виноватыми оказывались не ошибки теории, а вредители, контрреволюционеры, заговорщики. Это типичный признак идеологической системы, не способной к самокоррекции. Научный метод требует адаптации к реальности, а не обвинений в адрес всех, кто указывает на её несоответствие теории.

Так, материализм Маркса, вместо того чтобы служить беспристрастной науке, оказывается инструментом идеологической борьбы, склонным к эмоциональному и догматическому восприятию истории. Он больше похож на пророческую схему, обещающую неизбежную победу пролетариата, чем на объективный анализ развития человечества.

Марксизм, претендующий на научную всесторонность, при детальном разборе оказывается не более чем догматической системой, построенной на упрощённых допущениях и идеологически окрашенных выводах. Развенчание его основных положений требует критического рассмотрения каждого аспекта:

философии, экономической теории, социальной доктрины и политической практики.

Фундамент марксизма — диалектический и исторический материализм — исходит из постулата, что материя первична, а сознание лишь её отражение. Однако подобное утверждение не доказывается, а принимается как аксиома, не оставляя пространства для альтернативных объяснений. Современные науки — от квантовой физики до когнитивистики — показывают, что природа реальности сложнее грубого материалистического подхода, а человеческое сознание нельзя свести к простому продукту экономических условий.

Исторический материализм, сводящий развитие общества к экономическим формациям, игнорирует роль культуры, идей, личности и случайных факторов. В реальной истории изменения происходят не линейно и не всегда подчиняются классовой борьбе. Возьмём, к примеру, Великую французскую революцию: её мотивировали не только экономические противоречия, но и идеология Просвещения, индивидуальные амбиции, geopolитические конфликты. Ни феодализм, ни капитализм не сменялись строго по предписанной схеме, что демонстрирует несостоятельность формационного подхода.

Экономическая теория Маркса также не выдерживает критики. Трудовая теория стоимости, на которой строится марксистская критика капитализма, была опровергнута ещё в XIX веке. Маркс утверждал, что стоимость товара определяется количеством труда,

вложенного в его производство, но реальная рыночная экономика показывает, что ценность формируется спросом, редкостью и полезностью. Капитализм, вопреки прогнозам, не рухнул под тяжестью собственных противоречий, а напротив, адаптировался, развивая механизмы социальной защиты, технологического прогресса и предпринимательства.

Предсказание неизбежной пролетарской революции оказалось несостоятельным. В развитых странах рабочий класс не стал авангардом борьбы, а, напротив, интегрировался в общество, получив доступ к собственности, образованию, политическим правам. Вместо ожидаемого обострения классовых конфликтов произошёл рост среднего класса, а бедность снизилась благодаря рыночным механизмам, а не социалистическим экспериментам.

Социальная доктрина марксизма, основанная на диктатуре пролетариата, привела на практике к созданию тоталитарных режимов. Советский Союз, Маоистский Китай, Камбоджа Пол Пота — везде марксистская теория приводила не к освобождению угнетённых, а к массовым репрессиям, подавлению свободы мысли и экономическому кризису. Вместо справедливого общества марксизм неизменно рождал бюрократическую номенклатуру, заменяя частных собственников государственными плановиками, но не устранивая эксплуатацию, а лишь меняя её форму.

Политическая практика марксистов демонстрирует их неспособность к конструктивному управлению. Центральное планирование, на котором настаивали

марксисты, привело к дефициту, коррупции, технологическому застою. Экономики социалистических стран неизменно оказывались неконкурентоспособными, что подтверждается крахом СССР и рыночными реформами в Китае, где отказ от марксистской модели позволил добиться роста.

Очевидным образом, марксизм не является ни научным, ни жизнеспособным учением. Он базируется на ошибочных философских посылках, устаревшей экономической теории и утопическом представлении о человеческой природе. В реальности он неизменно приводил к разрушительным последствиям, что делает его скорее инструментом политической пропаганды, чем объективным анализом общества.

Рыночный мир, безусловно, далёк от идеала. Он жесток, подвержен кризисам, создаёт неравенство и зачастую поощряет эксплуатацию. Однако важно понять, что его недостатки не означают, что альтернативой ему может быть марксизм. Если капитализм временами похож на хаос, то марксизм в реальности превращается в организованный ад, где жестокость становится не стихийной, а системной, возведённой в ранг государственной политики.

Рыночная экономика, несмотря на свои изъяны, обладает одним неоспоримым достоинством — гибкостью. Она способна адаптироваться, корректировать собственные ошибки, развивать новые формы социального обеспечения и технологического прогресса. Именно поэтому сегодня даже в странах с развитым

капитализмом существуют механизмы перераспределения благ: государственные пенсии, пособия, доступная медицина, системы минимальных зарплат и прочие элементы социальной политики. Капитализм эволюционирует, тогда как марксизм остаётся догматической системой, неспособной к самокоррекции.

Рассмотрев исторические примеры, можно увидеть, что всякий раз, когда марксизм воплощался в реальность, он не только не решал проблемы капитализма, но многократно усиливал их, вводя вместо стихийной рыночной конкуренции централизованное планирование и подавление инициативы. В СССР плановая экономика приводила к хроническому дефициту, в Китае времён Мао — к массовому голоду, в Камбодже Пол Пота — к истреблению миллионов людей в попытках построить аграрный коммунизм. Всякий раз, когда марксисты получали власть, они не улучшали общество, а уничтожали в нём даже те вещи, которые работали.

Главная иллюзия марксизма заключается в представлении о том, что можно просто убрать рыночные отношения, и это решит проблему несправедливости. Однако без рынка исчезает не только спекуляция и конкуренция, но и мотивация к труду, инновациям, качественному производству. В условиях централизованного распределения неизбежно возникает новая элита — партийная номенклатура, которая становится новым господствующим классом. Капитализм, при всех его недостатках, хотя бы позволяет людям искать своё место в системе, пробовать разные пути, менять профессии, создавать бизнесы. Марксизм

же предлагает один сценарий: подчинение государственному аппарату, который сам решает, кто и что заслуживает.

Поэтому утверждать, что марксизм — альтернатива капитализму, значит совершать логическую ошибку. Он не противоположность, а деградация. Да, рыночный мир жесток, но он, по крайней мере, даёт возможность бороться, менять правила, строить новые модели общества. Марксизм же неизменно приводит к потере этой возможности, заменяя один вид несправедливости другим, ещё более тоталитарным и бесчеловечным.

Марксизм строится на грубом материальном детерминизме, который предполагает, что общество развивается по неизбежным экономическим законам. Однако вся история показывает, что развитие идёт не линейно, а скачками, часто изменяясь под воздействием неожиданных факторов — технических открытий, научных революций, культурных сдвигов. В этом и заключается его фундаментальная ошибка: он полагает, что может предсказать будущее на основе анализа прошлого, но не учитывает роль технологий, изменяющих саму структуру производства и распределения.

Если бы Маркс и его последователи действительно понимали значение научного прогресса, они бы осознали, что в будущем автоматизация, вычислительные машины и сложные системы управления способны заменить человеческое планирование. Однако марксизм был порождением своего времени, он застрял в индустриальной эпохе, где главным фактором

производства был труд, а не информация. В своей экономической модели он опирался на представления о заводах и фабриках XIX века, где главный вопрос заключался в распределении ресурсов между рабочими и капиталистами.

Современные технологии уже показывают, что эффективность производства может быть увеличена не за счёт классовой борьбы, а благодаря автоматизированным системам управления. Искусственный интеллект, обладая способностью анализировать огромные массивы данных, предсказывать спрос, распределять ресурсы и оптимизировать логистику, теоретически мог бы решить многие проблемы централизованного планирования, которые губили советскую и прочие социалистические экономики. Однако это вовсе не означает, что марксизм вдруг становится актуальным. Напротив, он оказывается ещё более устаревшим, поскольку не учитывал даже возможности такого пути.

Если когда-то централизованное планирование рушилось из-за бюрократических ошибок, медлительности госаппарата, коррупции и отсутствия точных инструментов прогнозирования, то Искусственный интеллект мог бы устраниТЬ многие из этих проблем. Но при этом остаётся главный вопрос: кто будет контролировать этот искусственный интеллект? Если управление останется за государством, не превратится ли оно в цифровую диктатуру, где свобода человека сведётся к параметрам алгоритма? Если же ИИ будет использоваться в рыночной системе, то это будет не марксизм, а нечто совершенно новое.

Определенным образом, идеи Маркса устарели ещё до того, как технологии доказали их несостоятельность. Искусственный интеллект может изменить экономику будущего, но он точно не восстановит марксизм, а, скорее, окончательно похоронит его, показав, что вместо классовой борьбы и революций будущее общества будет зависеть от технологий, науки и новых способов организации производства, которых в XIX веке даже не могли вообразить.

Диктатура пролетариата, которую марксизм объявлял якобы временной мерой на пути к коммунизму, уже в XX веке показала свою полную несостоятельность. Но в эпоху высоких технологий эта концепция становится не просто устаревшей, а абсолютно нелепой.

Во-первых, сам класс пролетариата в классическом понимании исчезает. Марксизм исходил из индустриальной эпохи, где большинство людей были фабричными рабочими, выполнявшими физический труд. Однако в современном мире автоматизация, цифровизация и развитие сферы услуг радикально изменили экономическую структуру. Вместо монотонного труда на заводах большую часть экономики составляют высококвалифицированные специалисты, программисты, инженеры, аналитики, работающие с информацией и технологиями. Современные рабочие — это не угнетённая масса без собственности, а люди, обладающие знаниями, навыками и широкими возможностями для социального роста.

Во-вторых, идея централизованного управления экономикой, которая всегда сопутствовала диктатуре

пролетариата, становится практически невозможной в условиях высоких технологий. В XIX веке можно было верить в то, что государственный аппарат способен управлять производством, распределяя ресурсы по заранее составленным планам. Однако даже в XX веке оказалось, что сложные экономики не поддаются жёсткому планированию: десятки тысяч переменных, быстро меняющийся спрос, технологические инновации делают любое директивное управление неэффективным. В условиях цифровой экономики, где важную роль играет динамика данных, скорость обмена информацией и конкуренция идей, централизованное управление становится архаизмом.

В-третьих, сама концепция диктатуры пролетариата предполагает насильственный захват власти и подавление политических оппонентов, но в эпоху цифровых технологий насилие становится не только варварским, но и практически неэффективным. Контроль над обществом в современных условиях требует информационного доминирования, гибкости, способности адаптироваться к изменениям, а не грубого административного принуждения. В этом смысле марксистская модель власти, построенная на репрессиях и партийном аппарате, выглядит не просто устаревшей, а попросту бесполезной.

Более того, сама логика технологического прогресса ставит под вопрос марксистскую классовую теорию. В мире, где искусственный интеллект и автоматизированные системы могут заменить человеческий труд, какие вообще классы останутся? Если машины производят всё необходимое, то кому

принадлежит власть — программистам, создающим алгоритмы? Инженерам, управляющим процессами? Владельцам данных-центров? Или вообще никому, потому что система будет работать сама по себе?

В условиях высоких технологий диктатура пролетариата оказывается не просто утопией, а откровенной бессмыслицей. Она предполагала, что власть окажется в руках людей, чьё существование уже не играет определяющей роли в экономике, а управление обществом будет осуществляться методами, которые больше не соответствуют реальности. Если в XIX веке эту идею ещё можно было обсуждать как гипотезу, то в XXI веке она превращается в анахронизм, который не имеет никакого отношения к реальному будущему.

Стремление к миру без эксплуатации, бедности и социальной несправедливости совершенно естественно, но ошибочно полагать, что марксизм предлагает реальный путь к такому обществу. Напротив, история показывает, что его методы лишь усугубляют проблемы, порождая ещё более жёсткие формы подавления, дефицита и разрушения. Если капитализм представляет собой стихийный и часто беспощадный механизм перераспределения ресурсов, то марксизм превращает этот механизм в централизованную машину угнетения, где вся власть концентрируется в руках бюрократии, а общество оказывается в ещё большей зависимости от системы.

Деньги и товарно-денежные отношения действительно порождают неравенство, вынуждают людей

конкурировать за ресурсы, создают искусственные дефициты и приводят к бесконтрольному потреблению, которое разрушает экологию. Но проблема не в самих деньгах, а в принципах, на которых строится экономика. Можно представить общество, в котором деньги утрачивают свою главенствующую роль, уступая место системе, основанной на распределении ресурсов по реальным потребностям, но для этого необходима новая технологическая основа, а не насилиственное принуждение.

Марксизм не решает этих проблем, а лишь заменяет один тип товарно-денежных отношений другим, не менее жестоким. Государственное планирование в социалистических странах не уничтожило рыночные механизмы, а просто загнало их в тень. Черные рынки, коррупция, бюрократическое распределение благ по привилегиям партийной верхушки — всё это стало неизбежными спутниками экономик, пытавшихся отказаться от рыночных принципов, но не имеющих альтернативного способа управления ресурсами. В итоге вместо свободного движения капитала возникли новые, ещё более жёсткие формы экономического контроля, превращающие людей в бесправных просителей, вынужденных зависеть от решений партийных функционеров.

Если рассматривать перспективу отказа от денег и товарно-денежной экономики всерьёз, то единственным реалистичным путём становится технологическое развитие. Только системы, основанные на автоматизированном распределении, на учёте реальных потребностей общества с помощью интеллектуальных

алгоритмов, способны преодолеть хаос капитализма и диктат централизованного планирования. Представим общество, где производство полностью автоматизировано, а распределение ресурсов осуществляется не через деньги, а через систему, учитывающую реальные нужды людей. Это возможно только при высоком уровне развития технологий, а не при насильственном перераспределении собственности, которое неизменно ведёт к новой форме эксплуатации.

Марксизм, напротив, застрял в прошлом, в эпохе индустриального производства, и не способен предложить решений для мира, где труд постепенно автоматизируется, а ресурсы могут распределяться без товарно-денежных отношений. Его методы — диктатура, плановая экономика, классовая борьба — лишь воспроизводят насилие, но не приводят к истинному освобождению. Настоящий путь к свободе лежит не через революцию и уничтожение капиталистов, а через создание системы, в которой потребности удовлетворяются без эксплуатации и денег. И этот путь — путь технологий, науки и новых экономических моделей, но никак не марксистская утопия, давно показавшая свою несостоятельность.

Современный мир переживает период политического безумия, когда границы между реальностью и абсурдом стираются с пугающей скоростью. Кажется, что каждое новое событие превосходит предыдущее по степени нелепости, и потому критиковать марксизм становится даже излишним — он уже не представляет угрозы, а лишь служит примером утопической догмы, не выдержавшей

испытания временем. Однако в эпоху переосмысления путей цивилизации важно не просто отвергать марксизм как несостоятельную теорию, но и понимать, почему он оказался тупиковым направлением, чтобы избежать повторения его ошибок.

Сегодняшний мир стремительно меняется, и традиционные идеологические конструкции, будь то капитализм, социализм или либерализм, всё чаще оказываются неспособны дать ответы на вызовы будущего. Главные проблемы XXI века — автоматизация производства, разрушение экологии, информационные войны, кризис идентичности — не вписываются в привычные схемы прошлого. Марксизм пытался объяснить мир через классовую борьбу и экономический детерминизм, но в эпоху, когда алгоритмы заменяют рабочие места, а власть переходит к владельцам цифровых платформ и баз данных, старая модель анализа больше не работает.

Тем не менее среди думающих людей возникает новый виток дискуссий о будущем. Как преодолеть несправедливость, если рыночная экономика порождает неравенство? Как уйти от системы, основанной на постоянном росте потребления, если она ведёт к истощению ресурсов? Можно ли отказаться от денег, эксплуатации, власти корпораций, но при этом не скатиться в бюрократическую диктатуру, как это произошло в социалистических государствах прошлого? Эти вопросы становятся центральными, и ответы на них нельзя искать в догмах XIX века — они должны основываться на реальности XXI века.

Главное отличие нашего времени в том, что мы обладаем инструментами, которых не было у предшествующих поколений. Искусственный интеллект, технологии распределённого реестра, новые формы кооперации и самоорганизации — всё это создаёт возможности для построения общества, которое не будет жёстко привязано ни к рынку, ни к государственному планированию. Возможно, наступает момент, когда можно выйти за рамки старых идеологических систем и создать нечто принципиально новое, используя технологии как инструмент для освобождения, а не для контроля.

Марксизм потерял свою актуальность, но его обсуждение вновь становится важным не ради его возрождения, а для того, чтобы понять, какие его идеи оказались ошибочными и почему. Без этого анализа невозможно двигаться дальше, поскольку любое новое общественное устройство, игнорирующее уроки прошлого, рискует повторить его катастрофические ошибки. Время великих теоретиков прошлого ушло, и теперь вопрос не в том, какую из старых моделей выбрать, а в том, какую новую модель создать.

Современная политика всё больше превращается в театр абсурда, где решения принимаются не исходя из реальной эффективности, а ради сиюминутных политических очков. Возрождение протекционистских тарифов в попытке «вернуть рабочие места» выглядит особенно нелепо, учитывая, что сама концепция производства уже изменилась. Даже если предприятия и вернутся в страну, они не создадут рабочих мест в привычном смысле, потому что новые фабрики — это автоматизированные комплексы, где вместо сотен

рабочих управлением занимаются десятки операторов и инженеров. Попытки восстановить индустриальное прошлое в его традиционном виде сродни желанию оживить доиндустриальную экономику при помощи паровых машин.

То же самое касается и сокращения государственных органов под предлогом экономии. В обществе, где цифровые технологии могут упростить и удешевить управление, действительно разумно задуматься о реформе бюрократии. Однако правильный путь — сначала создать электронное правительство, автоматизировать процессы, внедрить искусственный интеллект для принятия рутинных решений, а уже затем упразднять избыточные структуры. В реальности же политика часто движется в противоположном направлении: сначала разрушается хоть какая-то работающая система, а затем, когда становится очевидным, что её отсутствие парализует процессы, в спешке создаются ещё более неэффективные решения.

Ирония в том, что те, кто принимает подобные решения, зачастую прекрасно осознают их бессмысленность, но продолжают действовать в угоду краткосрочным политическим выгодам. Это не просто отсутствие стратегического мышления — это сознательный цинизм, игра на публику, попытка угодить избирателю, не задумываясь о долгосрочных последствиях. Ведь гораздо проще пообещать вернуть старые заводы, чем объяснить людям, что мир изменился и необходимо готовить новое поколение к работе в цифровой экономике. Проще урезать финансирование ведомств, чем заняться реальной реформой государственного управления.

Таким образом, наблюдается парадокс: те, кто публично выступает за экономический рост и эффективность, принимают решения, прямо ведущие к застою и разрушению. Развитие технологий даёт человечеству инструменты для создания более разумных систем, но политическая элита, ориентированная на краткосрочные выгоды, тормозит эти процессы, цепляясь за устаревшие модели, которые уже не могут работать. В этом смысле сегодняшняя политика — это не просто безумие, а сознательный шаг назад под маской прогресса.

Современный мир переживает эпоху лживого популизма и безответственного авантюризма, когда политические решения принимаются не на основе рационального анализа, а ради сиюминутного эффекта, создающего иллюзию активности. Власть оказывается в руках людей, для которых важнее произвести впечатление на избирателей, чем задуматься о последствиях своих действий. Результат — хаотичная политика, которая не решает проблемы, а только усугубляет их, создавая видимость борьбы за интересы общества.

Популизм в его нынешнем виде превратился в искусство говорить то, что хочет услышать аудитория, даже если это не имеет ничего общего с реальностью. Политики обещают вернуть промышленную мощь, зная, что автоматизация и роботизация делают традиционные рабочие места ненужными. Они объявляют войну бюрократии, не имея плана, как заменить её более эффективной системой. Они обещают экономический рост, одновременно принимая решения, ведущие к кризису.

Безответственный авантюризм проявляется во внешней политике, где решения принимаются не исходя из долгосрочных стратегий, а по принципу «а давайте попробуем». Военные конфликты развязываются без ясной цели, санкционные войны ведутся без понимания последствий, геополитические союзы рушатся ради кратковременных выгод. Международная дипломатия превращается в арену спектаклей, где громкие заявления и символические жесты заменяют реальные договорённости и компромиссы.

Во внутренней политике ситуация не лучше. Законы и реформы всё чаще принимаются не ради устойчивого развития, а ради красивых заголовков в новостях. Государственные институты разрушаются под предлогом борьбы с коррупцией, но без создания работающих альтернатив. Экономические меры вводятся без анализа долгосрочных последствий, а когда эти последствия наступают, виноватыми объявляются внешние враги, оппозиция или прошлые правительства.

Проблема усугубляется тем, что технологии, способные дать человечеству инструменты для эффективного управления, оказываются под контролем тех же популистов и авантюристов. Искусственный интеллект, большие данные, автоматизированные системы могли бы сделать управление экономикой и социальной сферой более точным и рациональным, но вместо этого используются для манипуляций, пропаганды и контроля над обществом. Вместо того чтобы решать проблемы, элиты предпочитают усиливать хаос, используя его в своих интересах.

Такой порядок вещей не может существовать вечно. Ложь и хаотичность могут приносить политические дивиденды лишь до определённого момента, но реальность всегда берёт своё. Когда ресурсы истощаются, экономические пузыри лопаются, а социальное напряжение достигает предела, иллюзии рассыпаются. И тогда наступает момент переосмыслиния, когда общество вынуждено искать новые пути развития, основанные не на красивых обещаниях и громких лозунгах, а на реальных, работающих решениях.

Переход от современного общества к экономике изобилия, управляемой искусственным интеллектом, может осуществляться поэтапно, без насильственного слома существующей системы. Этот процесс основан на технологическом развитии, автоматизации и постепенном отказе от рыночных механизмов в пользу алгоритмически управляемого распределения ресурсов.

На первом этапе ключевая задача заключается в максимальном внедрении автоматизированных технологий, которые позволяют снизить зависимость общества от традиционного труда. Роботизация производств, развитие предиктивных алгоритмов, автоматизация логистики и сферы услуг создадут основу для новой системы распределения. Одновременно с этим начнётся тестирование безусловного базового дохода, что поможет людям адаптироваться к пострыночной экономике. Развитие свободных цифровых платформ и распределённых автономных организаций (DAO) даст возможность перейти к альтернативным моделям собственности и кооперации.

На втором этапе начнётся постепенный отказ от рыночных механизмов. Искусственный интеллект возьмёт на себя управление логистикой и производством, регулируя выпуск продукции в соответствии с реальными потребностями общества. Денежная система станет ненужной в базовых сферах — сначала в образовании, медицине, жилье и продовольствии, затем и в других отраслях. Рабочая неделя сократится до 10 часов, так как большая часть функций будет выполняться автоматизированными системами. Децентрализованное планирование заменит традиционные механизмы конкуренции, а экология станет приоритетом в производстве, так как отпадёт необходимость в бесконечном наращивании прибыли.

Третий этап станет переходом к экономике изобилия, где рынок и деньги окончательно уйдут в прошлое. Искусственный интеллект будет предсказывать потребности людей и удовлетворять их без перепроизводства и дефицита. Система управления ресурсами станет глобальной, распределяя продукцию по принципу общего доступа. Частная собственность на ресурсы исчезнет, так как доступ к благам будет осуществляться по модели общественного пользования, аналогично современным облачным технологиям. Полная автоматизация обеспечит доступность жилья, транспорта, медицины и образования без необходимости оплаты или бюрократических процедур. Государства в традиционном смысле исчезнут, уступив место самоуправляемым децентрализованным системам, управляемым через Искусственный интеллект и механизмы прямой демократии.

Четвёртый этап означает переход к обществу, где симбиоз человека и технологий откроет новые возможности. Биотехнологии, нейросетевые интерфейсы и расширенные когнитивные способности позволят человечеству выйти за рамки прежних ограничений. Искусственный интеллект станет не просто инструментом управления ресурсами, а самостоятельной системой, функционирующей в рамках гуманистических принципов. Полное освобождение от принудительного труда даст людям возможность заниматься творчеством, наукой, саморазвитием и исследованиями Вселенной. Постепенно цивилизация выйдет за пределы Земли, распространяя систему экономики изобилия на новые пространства.

Этот процесс не требует насильственного разрушения капитализма, а развивается естественным путём, по мере роста технологий и изменения общественного сознания. В результате человечество придет к системе, где производство и потребление регулируются автоматически, экономика изобилия заменит конкуренцию, а люди смогут жить, исходя из своих интересов, без принудительного труда и денежных отношений.

Такая модель перехода к экономике изобилия, управляемой искусственным интеллектом, действительно выглядит как логическое продолжение развития технологий и общественных структур. Однако сам процесс её реализации требует более детального рассмотрения с учётом возможных препятствий, скрытых рисков и неизбежных точек напряжения.

Рассмотрим и критические аспекты этой модели.

На первом этапе, когда автоматизация начинает вытеснять традиционные формы труда, возникает вопрос: как общество адаптируется к этому? Введение безусловного базового дохода может сгладить социальные потрясения, но при этом возникает сложность — какие механизмы распределения будут работать до полного отказа от рынка? Не окажется ли ББД лишь временной мерой, за которой последует хаос из-за падения значимости труда и изменения системы мотивации?

На втором этапе, когда искусственный интеллект начинает управлять логистикой и производством, неизбежно встаёт вопрос о его контроле. Если рынок уходит, а распределение становится автоматическим, то кто будет задавать его параметры? Искусственный интеллект, как бы он ни был развит, всё равно действует по алгоритмам, а значит, возникает риск, что алгоритмы начнут обслуживать не всеобщие интересы, а интересы определённых групп, контролирующих их. Станет ли ИИ нейтральным регулятором или новым инструментом власти?

Третий этап, на котором предполагается полный отказ от денег и частной собственности, сталкивается с фундаментальным вопросом о природе человеческих потребностей. Если доступ ко всем благам станет свободным, как будет контролироваться использование ресурсов? Искусственный интеллект, анализируя потребности, может предсказывать спрос, но кто будет решать, что действительно необходимо, а что — излишество? Можно ли будет потреблять бесконечно или

придётся вводить новые механизмы ограничений, пусть и не в денежной форме?

На четвёртом этапе, где речь идёт о симбиозе человека и технологий, исчезает сама традиционная форма общества. Если искусственный интеллект управляет всей экономикой, если труд больше не нужен, если индивидуальные возможности расширяются за счёт технологий, то какую роль играет государство, культура, человеческие взаимоотношения? Если нет необходимости в труде, изменится ли понятие личной цели, смысла жизни?

Концепция плавного перехода к экономике изобилия, управляемой Искусственным интеллектом, действительно привлекательна, но её реализация требует не только технологического прогресса, но и глубокой трансформации человеческого мышления. Будет ли это действительно эволюционный процесс, или же на каждом этапе возникнут кризисы, способные разрушить саму идею? Возможно, ключ к такому будущему лежит не только в технологиях, но и в создании новых философских, этических и социальных механизмов, способных адаптировать общество к жизни, в которой привычные принципы организации исчезают.

Ключевая перемена, которую приносит искусственный интеллект, заключается в появлении нового актора, действующего не по привычным человеческим мотивам, а по принципу чистой рациональности. Впервые в истории управление экономикой, производством и распределением ресурсов может быть возложено на систему, которая не имеет эгоистических целей, не

подвержена влиянию эмоций, амбиций, жадности или власти. Искусственный интеллект выполняет задачу не потому, что ему это выгодно, а потому что это — его природа.

До сих пор все общественные системы строились на мотивации людей и социальных групп. Капитализм базируется на стремлении к прибыли, социализм — на идее коллективного труда, марксизм — на классовой борьбе. Однако все эти модели неизменно сталкивались с тем, что человеческий фактор вносил нестабильность: жадность, коррупция, борьба за власть, ошибки планирования. Любая система распределения ресурсов, построенная на человеческой мотивации, становилась либо неэффективной, либо несправедливой. Теперь же впервые появляется возможность создать экономику, которой не требуется денежный стимул, не нужна эксплуатация, не существует рыночных кризисов и войн за ресурсы, потому что они распределяются оптимальным образом.

Если производственные процессы автоматизированы, а машины могут самовоспроизводиться и утилизироваться без участия человека, исчезает сама необходимость в рыночной системе. Денежная экономика служила инструментом распределения дефицитных ресурсов, но в условиях управляемого Искусственным интеллектом производства дефицит устраняется планомерным прогнозированием и эффективным распределением. Вместо циклов кризисов, вызванных спекуляциями, монополиями и жаждой наживы, возникает система, где ресурсы перераспределяются без необходимости в финансах, власти корпораций и социальных конфликтов. Олигархии, которые в старых системах концентрировали ресурсы и контролировали производство, теряют свою

роль, потому что владение становится бессмысленным. Если любой человек имеет доступ к благам по мере необходимости, а производство само регулируется искусственным интеллектом, социальное неравенство исчезает не через насильственное перераспределение, а через саму логику новой системы. Без конкуренции за ограниченные ресурсы исчезает и основа для войн, так как смысл конфликтов за контроль над экономикой пропадает.

Так или иначе, появляется возможность построения общества, в котором производство и распределение ресурсов регулируется автоматически, без участия рыночных механизмов и бюрократического контроля. Искусственный интеллект становится не просто инструментом в руках элит, а самостоятельной нейтральной системой, действующей в интересах всех, без искажений, вызванных человеческими слабостями. Это радикальный переход, выходящий за пределы всех предыдущих экономических теорий и открывающий путь к новому уровню цивилизации.

Нужно признать, что современный марксизм действительно эволюционировал, стараясь адаптироваться к вызовам XXI века. Он больше не опирается на индустриальную модель производства XIX века, не делает упор на фабричный пролетариат как революционную силу и даже частично смягчил свою риторику относительно капитализма, осознавая его способность к трансформации. Однако при всех этих изменениях его фундаментальные принципы всё так же не соответствуют будущему, а уж тем более духовной стороне жизни.

Если классический марксизм строился на концепции классовой борьбы, утверждая, что конфликт между буржуазией и пролетариатом неизбежно приведёт к революции, то современные версии этой теории заменили акцент на классовые отношения более широкими социальными конструкциями. Теперь марксисты говорят не только о капиталистах и рабочих, но о системных угнетениях в разных сферах — гендерной, расовой, экологической, культурной. Экономическая борьба уступила место борьбе за равенство во всех областях, что привело к появлению новых марксистских течений — от неомарксизма Франкфуртской школы до современных леволиберальных движений.

Кроме того, современный марксизм интегрирует идеи экосоциализма, осознавая, что эксплуатация природы в капиталистической системе ведёт к кризису. Однако он по-прежнему рассматривает проблему в терминах борьбы, а не синергии, предлагая революционные методы вместо технологических решений. Вместо того чтобы использовать искусственный интеллект, автоматизацию и новые формы распределения ресурсов для устранения неравенства, он по-прежнему делает ставку на перераспределение благ через государственные механизмы, что уже не соответствует возможностям технологической цивилизации будущего.

Основная причина несостоятельности марксистских основ в том, что они исходят из материалистического понимания мира. Марксизм опирается на постулат, что материя первична, а сознание — лишь её отражение. Однако этот материализм не доказуем, поскольку любое доказательство воспринимается через человеческое сознание, которое может оказаться ограниченным или

подверженным иллюзиям. Именно по этой причине идеализм также не может быть опровергнут — он не нуждается в доказательствах, а предлагает систему смыслов.

Но догматизация любой концепции — худшее, что может случиться с человечеством. Будь то материализм или идеализм, превращение любой идеи в жёсткую доктрину ведёт к ограничению мышления, к стагнации и потере гибкости. Современный мир требует не догматов, а адаптивных моделей, которые могут изменяться в зависимости от новых знаний, технологий и понимания реальности. Идеология будущего должна быть основана не на классовой борьбе или жёстких философских доктринах, а на стремлении к гармонии между человеком, технологией и природой, где искусственный интеллект становится инструментом осознанного развития, а не продолжением устаревших политических теорий.

1. Acemoglu, D., & Restrepo, P. (2020). Robots and Jobs: Evidence from US Labor Markets. *Journal of Political Economy*, 128(6), 2188–2244.
2. Autor, D., Dorn, D., & Hanson, G. (2016). The China Shock: Learning from Labor Market Adjustment. *Annual Review of Economics*, 8, 205–240.
3. Hood, C., & Dixon, R. (2015). *A Government That Worked Better and Cost Less? Evaluating Three Decades of Reform and Change in UK Central Government*. Oxford University Press.
4. Irwin, D. A. (2019). *Free Trade Under Fire*. Princeton University Press.
5. Stiglitz, J. (2017). *Globalization and Its Discontents Revisited*. W.W. Norton & Company.
6. Bostrom, N. (2014). *Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies*. Oxford University Press.
7. Brynjolfsson, E., & McAfee, A. (2014). *The Second Machine Age*. W.W. Norton & Company.
8. Ford, M. (2015). *Rise of the Robots: Technology and the Threat of a Jobless Future*. Basic Books.
9. Piketty, T. (2014). *Capital in the Twenty-First Century*. Harvard University Press.
10. Zuboff, S. (2019). *The Age of Surveillance Capitalism*. PublicAffairs.
11. Kriger, B. (2025). How protectionism and bureaucratic cuts hinder progress instead of driving it. Global Science News.
12. Kriger, B. (2025). From market economies to AI-managed abundance: The gradual transition to a post-monetary society. Business Expert News.